

Желтый свет от хрустальных люстр на потолке не мог полностью осветить бар. Однако в условиях постоянно дождливой поздней осени он мог принести нотку тепла в сердце.

Многие люди пришли в бар со старомодным декором. Они собирались группами по три-четыре человека, чтобы поболтать о прошедшем дне или, возможно, о других вещах. Однако все поглядывали на дверь, словно ожидая кого-то.

В баре играла успокаивающая музыка. Это была старая песня "Битлз" "Когда мне будет шестьдесят четыре".

Когда я постарею и потеряю волосы.

Через много лет.

Ты все еще будешь посылать мне валентинки?

Поздравление с днем рождения, бутылка вина.

...

В баре было негромко, поэтому тихие голоса "Битлз" были слышны отчетливо. Все говорили тише и общались на низких тонах.

За дверью висела табличка - "Закрито для бизнеса".

За немного поврежденной деревянной барной стойкой сидел сгорбленный Кенни Бернс с седой головой, держа в одной руке стакан, а в другой - полотенце.

Его глаза смотрели прямо вперед, сквозь старое стеклянное окно, покрытое слоем конденсата, на улицу.

На другой стороне улицы уже развернулась стройка. Белый забор был придавлен к земле и стал таким грязным, что его первоначальный вид невозможно было различить. На обочине дороги был припаркован экскаватор. Дождь немного усилился, и работы на стройплощадке прекратились.

Год назад это был еще ряд двухэтажных жилых домов.

Говорили, что через два года здесь будет построен большой супермаркет. За Лесным баром также находилась строительная площадка, на которой возводилось несколько высотных зданий для новых офисов. Уилфорд стал новым центром развития Ноттингема.

Бар на углу долгое время одиноко стоял между двумя строительными площадками, полностью окруженный строительной техникой. Он был похож на одинокий остров, окруженный механическими монстрами.

За дверью раздался рев автомобильного двигателя, а затем звук остановившейся машины.

Услышав звук, люди в комнате замолчали и обратили свои взгляды на вход.

Человек, который толкнул дверь, был женщиной. Сначала все были немного разочарованы, но затем все встали.

"Мадам", - почтительно поприветствовали они женщину, которая стояла у двери.

"Вы меня шокировали, внезапно встав вот так..." Говорящая толкнула дверь, но не сразу вошла. Вместо этого она кого-то ждала.

Увидев ее в таком состоянии, все тоже стали ждать. Каждый вытянул шею и смотрел за дверь, как утка, подвешенная на перекладине.

Вторым человеком, появившимся в дверях, был Вуд. Вуд занял место женщины и придержал дверь. Женщина вышла наружу.

Хотя они еще не видели мужчину, все услышали знакомый и немного хрипловатый голос.

"Не хватайтесь за меня. Я выгляжу так, будто не могу идти?".

"Хорошо, хорошо, вы можете вести меня, если хотите. Просто держите меня за руку, и все будет в порядке. Но не делайте вид, будто вы протягиваете руку, чтобы поддержать пациента..."

Не успел голос утихнуть, как его обладатель появился в дверях.

Когда вошла слегка сгорбленная фигура, все в баре открыли рты и закричали: "Босс!".

Увидев разыгравшуюся перед ним сцену, стареющий мужчина открыл рот и рассмеялся. Он поднял руки и сказал: "Давно не виделись, ребята".

Весь бар ждал этого человека - Тони Твен наконец-то был здесь.

Женщина, поддерживающая его, естественно, была его женой, Шанайей.

□□□

Твен снял старомодную широкополую шляпу, которая была на нем, и Вуд попытался поймать ее, но Шанайа успела первой. Затем ей передали серый шарф и черную ветровку. Шанайа пошла вешать одежду, а Твен сел в кресло, окруженный людьми. Он поднял стоящий на столе стакан с газированной водой и сказал: "Я не буду пить алкоголь. Вы все делаете, что хотите".

После этого все подошли, желая поговорить с Твеном.

Первым, кому это удалось, был Кенни Бернс, владелец бара, мужчина старше всех присутствующих.

Он медленно подошел к Твену, выдвинул стул и сел. Увидев это, все незаметно отступили назад.

"Посмотри на себя, как ты постарел", - насмехался Твен над Бернсом.

"Ты не лучше, Тони", - Бернс посмотрел на человека напротив. Его волосы были гораздо белее, чем раньше, но он был в хорошем расположении духа. Цвет лица Твена был румяным, и он казался сильнее его самого.

Однако, если подумать, ему самому было 75 лет, в то время как Тони было всего 60, на 15 лет моложе его. Вспомните, разве он не был полон сил, бодр и весел, когда ему было 60 лет? Люди всегда стареют. Таков закон природы.

"Приехав сюда, я чуть не сбился с пути. Местность сильно изменилась. Ха!" Твен рассмеялся.

Когда он сидел в машине по дороге сюда раньше, он начал смеяться при виде окружающей обстановки и бара Бернса. Ни Шанайа, ни Вуд, который вел машину, не знали, почему он смеется. Конечно, они и не узнают. Возможно, они так и не узнают до конца своих дней. Увидев бар "Форест", окруженный строительной техникой и полностью перекопанную строительную площадку, Твену, естественно, пришло на ум слово "держаться". По мнению Твена, Кенни Бернс явно был здесь заложником. Все здания, прилегающие к бару, были снесены, остался только бар. Однако было сказано, что и он не избежал участи быть снесенным.

"Это перепланировка территории", - сказал Бернс, глядя из окна на экскаватор. "К тому времени, когда все закончится, мой бар будет закрыт".

Твен не удивился. Он кивнул и спросил: "И что вы будете делать?".

"Я пойду домой".

Услышав эти слова, Твен на мгновение задумался, а затем понял, что дом Бернса находится не здесь, а в Шотландии. Он жил здесь десятилетиями, и это заставляло людей думать, что он всегда был из Ноттингема...

Стадион "Сити Граунд" был снесен, также была снесена тренировочная база "Уилфорд".

Теперь даже бар пришлось снести. Все, что было свидетелем последних лет, исчезало одно за другим на его глазах. Твен внезапно замолчал.

Бернс знал, о чем думает Твен. Он легонько похлопал по столу. "К счастью, бары и поля можно снести, но воспоминания нельзя отнять".

Как только он это сказал, на лице Твена появилась улыбка. Он вспомнил песню. Бернс, конечно, не слышал этой песни, но смысл был точно такой же. Он кивнул и сказал:

"Воспоминания все еще там. Где Джон и остальные?"

Он также вспомнил о фанатах.

"Они уже не такие сумасшедшие, как раньше. В конце концов, они стали старше. Теперь очередь их детей быть сумасшедшими. Просто они не приходят ко мне домой. Молодые люди говорят, что мое заведение выглядит мрачно и не подходит для молодежи".

Твен усмехнулся. Бар Бернса действительно выглядел старым и обветшалым. Несмотря на то, что он поддерживал чистоту и порядок, он не мог избавиться от ощущения пожелтевшей фотографии и старой пленки. Здесь мало что изменилось с тех пор, как он впервые пришел сюда, разве что появилось больше групповых фотографий, на которых он сам вел команду к чемпионским титулам в те годы. Однако теперь эти групповые фотографии выглядели немного выцветшими.

"Давно я их не видел..."

пробормотал про себя Твен.

Сегодня он впервые за десять лет посетил бар. Было ощущение, что все осталось прежним, но люди изменились.

После выхода на пенсию десять лет назад он вместе с женой объездил весь мир. Некоторое время они жили на Западном побережье США и провели некоторое время в Ноттингеме. Они даже жили в Китае, и люди, не знавшие их, думали, что они уже много лет живут в Китае.

Как утверждали СМИ, жизнь Твена на пенсии была довольно беззаботной. Если бы не проблемы со здоровьем в начале прошлого года, он мог бы и дальше жить без забот.

"Иногда они спрашивали о вас, - сказал Бернс, глядя из окна на экскаватор.

"Старики собирались вместе и говорили о тебе. Я видел, как Джон наставлял своего сына, бил его по голове и ругал за то, что он несет чушь о том, чего не испытал, ха...".

Твену было любопытно узнать, что сказал сын Джона.

"Ничего особенного. Джон просто сказал, что Данн справился не хуже тебя".

Услышав это, Твен озорно рассмеялся.

"Джон отругал его за это. Данн выиграл только два чемпионата за десять лет. Это очень мало по сравнению с твоими 16 годами и 16 чемпионатами. Как он мог добиться такого же успеха, как ты? Старики всегда любят вспоминать прошлое..."

"Неправильно. Когда они начинают вспоминать прошлое, это значит, что они старики", - поправил Твен.

"А разве мы сейчас не вспоминаем прошлое?"

"Это значит, что мы тоже старые", - ответил Твен.

□□□

Пепе и Пике подхватили несколько человек из защитной линии того времени и подошли, чтобы сделать групповой снимок с Твенем. Твен рассказал им, что у него есть своя бронзовая статуя возле стадиона "Кримсон", строительство которой было завершено четыре года назад. Пепе сказал, что, когда перед ними настоящий человек, зачем им идти и фотографироваться со статуей? Его слова были широко поддержаны ребятами. После голосования Твен стал главным кандидатом на групповую фотографию.

Несколько человек встали перед камерой, поставив Твена в центре, и лучезарно улыбались под вспышкой.

С помощью своего деда Пике вошел в совет директоров клуба "Барселона", и ожидалось, что он станет президентом клуба.

Пепе, который путешествовал между Бразилией и Португалией, открыл рестораны в обоих местах. Он больше не работал в сфере, связанной с футболом. Пепе выглядел немного толще, чем раньше, с круглым животом и выделялся в толпе. Его лицо стало еще круглее.

Гарет Бэйл, Рафинья, Акинфеев, а также Пепе и Пике, главная защитная линия "Лесной команды" в период ее расцвета, собрались вокруг Твена, создавая ощущение, что они вернулись в прошлое.

Россиянин вернулся на родину и стал тренером вратарей московской команды ФК "Локомотив". В настоящее время он является тренером вратарей сборной России. Большинство

игроков после выхода на пенсию выбирали работу, связанную с футболом.

Рафинья, которого нанял "Арсенал", стал футбольным скаутом "Арсенала" в Бразилии, отвечая за поиск бразильских талантов для клуба.

Бэйл стал членом Футбольной ассоциации Уэльса. Он стал самым успешным игроком в валлийском футболе после Гиггза. Для него было вполне логично вступить в Футбольную ассоциацию. Теперь в Бэйле нельзя было разглядеть озорной внешности "маленькой обезьянки" того времени. Безупречно одетый, он был бесконечно близок к тому, чтобы выглядеть как чиновник.

Однако, когда Твен назвал его "маленькой обезьянкой", он все равно с радостью откликнулся на это.

После того, как люди из задней защитной линии ушли, подошли несколько человек из полузащиты. Твен удивился и спросил: "Вы все это спланировали? Вы все идете волнами?"

Все засмеялись и собрались вокруг него. Они сделали еще одну групповую фотографию.

Когда Рибери в то время покинул команду "Форест" под облаком подозрений, что он сбежал, произошла стычка, когда все встретились на поле позже. Теперь, когда речь заходила о прошлом, казалось, что "все было прощено и забыто с улыбкой". Просто его улыбка все еще была некрасивой, так как шрамы на его лице все еще оставались. Однако с возрастом он стал менее страшным. Теперь он руководил собственным агентством и стал агентом ряда французских игроков. Он считался успешным бизнесменом. В команде "Ноттингем Форест" в настоящее время был французский игрок, которого он представил как агент.

Эти два человека заняли первую очередь, а затем все подходили, чтобы сфотографироваться с Твеном. Были групповые снимки и одиночные. Во время фотографирования Твен воспользовался моментом, чтобы немного поболтать и переговорить со всеми.

Те парни, которые сотрясали стадионы и бушевали в европейском футбольном мире, все ушли на пенсию и стали грузными мужчинами средних лет. Некоторые из них до сих пор поддерживают связь, а другие встретились вновь только благодаря этому собранию. У большинства были другие карьеры и жизни. Но сегодня, в баре, который собирались снести, они вновь обрели свою первоначальную сущность игроков "Ноттингем Форест" под командованием Тони Твена.

После групповых фотографий они продолжали общаться группами по три-четыре человека, пересказывая футбольные события, которые они пропустили за долгие годы, или рассказывая о тех необычных старых днях на поле.

Твен не принимал участия. Он сидел со своей женой Шанайей, спокойно глядя на все перед глазами и чувствуя глубокое удовлетворение.

Вдруг он вспомнил давно забытое дело прошлого. Обычно он вообще не вспоминал о нем.

Если он правильно помнил, это было в мае 2004 года, когда он был здесь на подобной вечеринке. Однако главными действующими лицами тогда были Брайан Клаф и его люди. Они праздновали 15-ю годовщину победы в Лиге чемпионов. В то время, наблюдая, как эти люди высокомерно разговаривают друг с другом и вспоминают времена 70-х годов, он, как посторонний человек, почувствовал сильную зависть. Он мечтал, что однажды он тоже сможет

сидеть здесь со своими бывшими людьми и вспоминать времена, когда он был королем Европы.

Теперь фантазия стала явью. Обстановка осталась прежней, но с другими людьми.

Как помощник менеджера чемпионской команды, Данн тоже был приглашен сегодня. Теперь он был менеджером "Ноттингем Форест" и взял специальный отпуск, чтобы присутствовать на собрании. В данный момент он сидел в стороне, болтая со своими старыми коллегами. Твен нашел его. Он не знал, разделяет ли он его взгляды на то, как проходит время в этот момент.

Он встал и медленно подошел. Он сел рядом с тренерами.

"Ребята, я так рад видеть вас всех здесь".

Все встали, чтобы последовательно выразить уважение, когда увидели подошедшего Твена. Они сели только после того, как Твен сел.

Твен огляделся и спросил: "А где Фредди?".

"А, он. Он сказал, что считает себя игроком и убежал поболтать о старых временах со своими старыми товарищами по команде", - Дэвид Керслейк, который был старше Твена, показал в сторону, и Твен оглянулся. Иствуд сидел с Рибери и о чем-то разговаривал.

Он усмехнулся и перевел взгляд назад.

"Вы все старые".

"А ты тоже, Тони?" ответил ему здоровяк.

Большинство из этих людей продолжали свою прежнюю работу в команде "Форест", которая, пожалуй, была группой с наименьшими изменениями. Дэвид Керслэйк по-прежнему был помощником менеджера в команде "Форест", а Иствуд стал главой молодежного лагеря.

"Как поживают твои две дочери, Тони?" спросил кто-то из толпы.

Как только Твен услышал этот вопрос, он оживился. Он надул грудь и с гордо поднятой головой сказал: "Тереза - прекрасная девушка. Что касается Лив... К счастью, она больше похожа на свою мать".

В толпе раздался взрыв смеха.

Терезе было уже 14 лет, она была нежной и красивой. Всякий раз, глядя на нее, Твен в душе сочувствовал родным родителям Терезы - как они могли отказаться от такой красивой и милой дочери?

Лив была младшей дочерью Твена, малышкой, которую Шанайа родила в год его выхода на пенсию. Сейчас ей было почти десять лет. В отличие от кроткой и тихой Терезы, Лив была живой и активной, с характером типичной западной девочки, совсем как ее мать.

К его радости, у Лив и Терезы были хорошие отношения. Лив не обижала и не задирала свою нежную и тихую, застенчивую и интровертную старшую сестру. Возможно, это связано с примером, который подавали они с Шанайей: после рождения Лив Тереза беспокоилась, что потеряет любовь родителей, но пара успокоила ее еще большей любовью.

К его досаде, Лив предпочитала солнечное западное побережье США холодной Британии. Ее характер был немного похож на американский, и она была чересчур оживленной. Чтобы сделать девочку счастливой, семья проводила больше времени вдали от Великобритании, поэтому Твен бросил работу на станции BBC 5. Теперь он просто публиковал собственные статьи в газетах и в Интернете, но не полагался на это как на средство к существованию.

В глубине души Твена был эгоистичный мотив, о котором он никому не говорил. Он хотел, чтобы его двум дочерям понравился Китай, поэтому именно там он проводил больше всего времени, не считая Соединенных Штатов и Великобритании. Он сильно скучал по Китаю, особенно по мере того, как становился все старше. Возможно, причиной тому был его китайский дух, глубоко сидевший в его костях. Может быть, как в поговорке, "в старости эмигрант возвращается домой"...

Как бы то ни было, эти два сокровища, его дочери, были для Твена источником величайшей гордости и свершений. Для него блестящие достижения его 16-летней тренерской карьеры и все его важные чемпионские трофеи давно устарели и уже не стоили упоминания. Возможно, болельщики "Форест" и игроки клуба испытывали гордость за трофеи, которые когда-то завоевал Тони Твен. Возможно, многие люди все еще наслаждались воспоминаниями о 16-летнем легендарном опыте Твена. А может быть, СМИ сейчас жаловались на то, что нынешние звездные игроки - это клоуны, играющие на публику, упуская из виду самого надоедливой "клоуна" из всех... Но Твена это не волновало. Он считал, что самые большие почести и чемпионские трофеи в его жизни - это иметь счастливую семью, любящую жену и двух здоровых и красивых дочерей. Когда 26 лет назад он переселился в другую страну, он потерял свою семью. Однако в то время ему было все равно, потому что он чувствовал, что он молод и пора сосредоточиться на своей карьере. Сейчас он чувствовал, что прошел один большой круг. Какова была конечная цель его карьеры? Чтобы его семья жила без забот, чтобы он жил спокойно со своими близкими...

Бог дал ему понять это в год, когда ему исполнилось 50 лет, и ему понадобилось еще десять лет, чтобы дорожить этим еще больше.

Ничто в жизни не было важнее его семьи. И так будет до самой смерти.

Твен с удовольствием рассказывал старикам, которых он не видел много лет, о том, как прекрасны и умны две его дочери.

Действительно, он выставял напоказ и хвастался своей семьей. Однако никто не считал, что он не должен этого делать.

Глядя на то, как он сейчас светится здоровьем и бодростью, перед всеми предстал тот же человек в приподнятом настроении, что и 20 лет назад. Никто не жалел об этом.

Как это было удивительно.

Дэвид Керслэйк поднял бокал за Твена и сказал: "Видя, как вы счастливы, я...". Он оглянулся на окружавших его старых коллег и, повернувшись, снова посмотрел на Твена, чтобы добавить: "Нет, мы все очень счастливы".

Твен поднял содовую воду в руке и отдал дань уважения старикам, которые один за другим поднимали свои бокалы.

"Спасибо вам всем".

Тост за Твена произнес еще один человек, с которым Твен был знаком. Однако он вообще не говорил. В уголках его глаз виднелась легкая усталость, а волосы по обе стороны висков немного поседели. Морщины на его лбу стали заметнее. При виде его у Твена возникла иллюзия обратного течения пространства-времени и зеркального отражения. Он увидел, как выглядел бы в свои 40 лет, если бы не трансигрировал.

Это был нынешний менеджер "Ноттингем Форест", китаец Данн. Это был его заклятый брат, с которым он обменялся душами и телами.

Увидев, что Твен смотрит на него, Данн улыбнулся в ответ.

Он подошел и сел рядом с Данном. Он понизил голос и задал вопрос на ухо Данну: "У папы и мамы все хорошо?".

Данн незаметно кивнул. "У них все очень хорошо".

Получив ответ, Твен снова поднял голову, и на его лице появилась улыбка. Затем оба мужчины посмотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Несмотря на путешествия по всему миру, Твен по-прежнему уделял внимание вопросам, связанным с командой Леса. Тем не менее, он никогда не оценивал команду Forest на публичных форумах. Сейчас, столкнувшись с нынешним менеджером "Форест", он остался прежним и ничего не сказал.

Все было как тогда, когда он впервые тренировал команду "Форест". Независимо от того, хорошо он работал или нет, Брайан Клаф всегда молчал. Кроме как сказать ему, чтобы он не слишком напрягался и не гордился, он больше ничего не говорил о его достижениях.

В то время он был очень незрелым. Однако сейчас Данн не был незрелым. Он знал, что делать и чего не делать. Разве он не проделал неплохую работу в команде "Форест" за последние десять лет? Хотя он выиграл всего два титула чемпиона, он полностью укрепил фундамент, который Твен не успел заложить раньше.

Под руководством Данна "Ноттингем Форест" постепенно выходил из-под его влияния. История Бернса была хорошим отражением этого. Новое поколение футбольных болельщиков чувствовало, что Данн хорошо справляется со своей работой. Разве это не было лучшей наградой за его десятилетнюю тренерскую карьеру?

Это было хорошо. От него не требовалось выходить и давать комментарии, чтобы показать внешнему миру, какое влияние он все еще имеет на "Ноттингем Форест". Пенсионеры должны оставаться пенсионерами. В противном случае лучше было бы продолжить тренерскую деятельность. Твен презирал трусливое поведение, когда человек хочет быть главным в футбольном клубе и при этом переживает из-за неудач в тренерской работе.

Поэтому, когда они смотрели друг на друга, не произнося ни слова, Твен не говорил: "Ты хорошо поработал" или "Ты недостаточно хорош". Данн тоже не стал бы проявлять инициативу и рассказывать Твену о своих тренерских достижениях. Он уважал себя.

Твен поднял бокал в руке Данна и сказал: "С 10-летием, Данн".

Данн произнес ответный тост и сказал: "Желаю тебе крепкого здоровья, Тони".

Когда небо потемнело и дождь на улице усилился, в баре царило необычайное воодушевление.

Все оживленно болтали, а шум в баре постепенно становился все громче, заглушая звуки музыки. Не только Твен, но и некоторые другие люди не виделись годами. Они были заняты своей жизнью и карьерой после выхода на пенсию, и у них обычно не было возможности собраться вместе, чтобы поболтать, как сейчас.

Собрание по случаю юбилея пяти победителей Лиги чемпионов дало им такую возможность. Конечно, они должны были связаться с друзьями прошлых лет, чтобы хорошо поболтать, расспросить об их жизни за прошедшие годы, вспомнить годы, проведенные вместе на соревнованиях, поболтать об интересных людях и вещах. Даже вражда тех лет стала исключительно теплым воспоминанием в контексте этого дня.

В таких обстоятельствах Твен решил отправиться домой.

Он постучал по столу перед своей женой и сказал ей: "Давай вернемся".

Шанайа немного удивилась и спросила: "Разве ты не хочешь остаться еще немного? Разве тебе не есть что сказать старикам?".

"Все так и начиналось, но после того, как я их увидела, мне вдруг стало нечего сказать. Приятно просто смотреть на них. В любом случае, я уже достаточно насмотрелась и немного устала".

Шанайа знала, что Твейн действительно устала, поэтому она кивнула и согласилась. "Давайте попрощаемся с ними перед отъездом".

Они вдвоем встали и внезапно привлекли внимание всех присутствующих.

"Он все еще восстанавливается после тяжелой болезни, поэтому у него не так много энергии, как у вас, ребята", - сказала всем Шанайа.

Твен поджал губы и сказал: "Не слушайте ее. Моя болезнь - это то, что случилось в прошлом году. Сейчас я в добром здравии".

"Мадам права, босс. Вы должны ее слушать", - сказал кто-то из толпы.

"Да, Тони. Позаботься о своем здоровье, чтобы мы могли снова встретиться через десять лет". Все протянули руки и помахали Твейн, строя планы на очередное воссоединение через десять лет.

"Хорошо, мы соберемся снова через десять лет.

" С помощью Шанайи Твен надел пальто и обмотал шарф вокруг шеи. Наконец он взял шляпу, подержал ее в руке и помахал всем рукой.

Джордж Вуд, который до этого разговаривал со своими товарищами по команде, протиснулся из толпы и сказал: "Я отвезу вас, ребята, домой".

Шанайа покачала головой и сказала: "Я поведу. Вам нелегко собраться вместе со всеми. Просто оставайтесь, чтобы повеселиться еще немного".

Джордж Вуд вышел на пенсию четыре года назад в возрасте 38 лет. Как величайший капитан команды в истории "Ноттингем Форест", его отставка была почти сравнима с уходом Твена. Сцена была настолько сенсационной и трогательной, что у такого крепкого парня, как Вуд, на глазах выступили слезы, когда пришло время прощаться, и он даже несколько раз поперхнулся от волнения. Твен был в ложе стадиона и видел все своими глазами. Его глаза также увлажнились, когда 60 000 человек скандировали "Святой Джордж".

Уход Джорджа Вуда полностью завершил золотой век "Ноттингем Форест". Последний игрок, с которым Твен был знаком, ушел с мировой футбольной сцены. С тех пор оглядываться назад в историю можно было только при упоминании самого славного периода "Ноттингем Форест".

Летом после выхода на пенсию Вуд женился на Вивиан, медсестре, в которую был влюблен более шести лет, и создал новую семью. Сейчас их ребенку было уже три года, и они жили счастливой жизнью.

Теперь Вуд выглядел как типичный крепкий семьянин. Его незрелые манеры полностью исчезли.

После того как Вуд услышал слова Шанайи, он перевел взгляд на Твена.

Твен кивнул и сказал: "Послушай ее, Джордж. Даже я должен ее слушать, ха-ха!".

Большой человек снова засмеялся. Вуд сдался и отошел в сторону. Только когда Твен проходил мимо него, он сказал низким голосом: "Я приду к вам снова через несколько дней".

"Что ж, захватите с собой жену и сына", - мягко кивнул Твен.

Подойдя к двери с помощью Шанайи, Твейн надел шляпу и, как только он был одет, поднял руку, чтобы помахать всем, сказав: "Не нужно меня провожать. На улице идет сильный дождь. До свидания, ребята. Приятно видеть вас всех по-прежнему здоровыми и активными. Я действительно счастлив, ха-ха!".

Среди смеха Твен обернулся, и Шанайа протянула ему зонтик, укрыв их обоих под ним. Они вдвоем вышли под дождь. Дождь, ударяясь о зонт, издавал треск, и вода, скопившаяся на обочине дороги, отражалась от них двоих. Толпа собралась вокруг и увидела, что Шанайа держит зонт в одной руке, поддерживая Твена. Было несколько неудобно открывать дверь одной рукой. Несколько человек бросились из толпы, чтобы помочь. В конце концов Вуд выхватил зонт у Шанайи, а Бэйл поддержал Твена. Иствуд открыл дверь машины для Твена и сказал: "Шеф, пожалуйста, садитесь в машину".

Шанайе ничего не оставалось делать. Она стояла рядом с Твеном и улыбалась ему. "Видите, какая грандиозная церемония прощания".

Твен повернулся, чтобы посмотреть на Иствуда, который открыл для него дверь машины, и улыбнулся. Затем он оглянулся на дверь бара, которая уже была переполнена людьми. Все стояли под карнизом и смотрели на него.

Твен помахал им рукой и показал, чтобы они возвращались. Затем он повернулся и сел в машину.

Иствуд закрыл за Твеном дверь машины, а Вуд укрыл Шанайю зонтиком и повел ее к двери со стороны водительского сиденья, чтобы помочь ей сесть в машину.

Шанайа опустила стекло автомобиля и протянула руку, чтобы попрощаться с ними. "До свидания, спасибо всем!"

Все помахали и попрощались в ответ.

Затем машина завелась и медленно поехала через припаркованную строительную технику по обеим сторонам дороги, разбрызгивая придорожную воду. По мере того, как она удалялась от всех, только желтые задние фонари маячили под дождем, и, наконец, даже они исчезли в дожде и тумане.

Дождь все еще падал, стуча по земле. Игроки по-прежнему собирались у двери, глядя в ту сторону, в которой исчез босс.

Через некоторое время Бейл спросил: "Босс ушел вот так просто?". Казалось, в его тоне прозвучало недоверие.

"Ну, он ушел", - ответил Вуд, - "Давайте зайдем внутрь и продолжим".

Несмотря на это, он не двинулся с места. Все, как и прежде, стояли у двери и смотрели в ту сторону, куда ушел Твен.

Бернс не последовал за ними. Он находился в баре и наблюдал за сценой отъезда Твена на машине через окна, покрытые конденсатом. Люди высыпали на улицу, и бар, в котором только что было жарко и шумно, внезапно опустел и затих.

Музыка, игравшая в стереосистеме, только что закончила цикл и вернулась к песне в самом начале.

Ты тоже станешь старше, и если ты скажешь слово,

я смогу остаться с тобой.

Я могу быть полезен, чинить предохранители,

когда у тебя погаснет свет.

Ты можешь вязать свитер у камина.

По утрам в воскресенье кататься,

заниматься садом, копать сорняки,

Кто может просить о большем?

Буду ли я все еще нужна тебе, будешь ли ты все еще кормить меня?

Когда мне будет шестьдесят четыре...

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2309966>